

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-89-106>

УДК 008

ББК 71

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2022 г. А. Н. Липов

(перевод)

г. Москва, Россия

**КАРЛ ПИНГЕРА. «В СМЕРТИ ОН РАСТОПТАЛ СМЕРТЬ!»
УМИРАНИЕ, ТРАУР И ПАСХАЛЬНАЯ ВЕРА
В ВОСТОЧНОПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ**

Перевод с немецкого А. Н. Липова

Перевод выполнен по изданию:

Karl Pinggera «Im Tode zertrat er den Tod!» Sterben, Trauer und Osterglaubein der östlich-orthodoxen Tradition. In.: Sterben, Tod und Trauer in den Religionen und Kulturen der Welt. Die Würde des Menschen am Lebensende in Theorie und Praxis. Berlin: EB, 2011. Band 2. S. 390–411.

Аннотация: Ритуалы вездесущие. Религии дают ответы на смерть. Они интерпретируют смерть как переход к другой форме существования и формируют различные культуры умирающего человека, отмечают ежедневные переходы, а также поворотные моменты, такие, например, как роды, свадьбы, болезни и смерть. Сопровождение умирающего человека является общим во всех культурах. Вместе с тем при создании условий для гуманной и достойной смерти необходимо учитывать существующие культурные и религиозно-идеологические различия между различными христианскими традициями, состоящими в том, как это сопровождение выглядит, что представляют собой ритуалы, проводимые до и после наступления смерти, и как быстро хоронят мертвых. В переводе научной статьи поднимаются всеобъемлющие вопросы умирания, смерти и траура в религиозных исследованиях и предпринимается попытка осмыслить существующие формы конечной фазы жизни в различных религиозных верованиях с целью гуманизации ритуалов смерти, смерти и скорби и, в частности, в пасхальных верованиях и траурных церемониях в восточноправославной христианской традиции, в которой центральное место в молитвах и литургической памяти умерших занимает просьба о прощении грехов и спасении душ умерших.

Ключевые слова: христианское понимание смерти, православный обряд похорон, православная Литургия Мертвых, народные обычаи и христианская весть, умирание, траур, пасхальная вера, восточноправославные традиции, религия, евхаристическая литургия, православные обряды.

Информация о переводчике: Анатолий Николаевич Липов — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора эстетики, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, корп. 1, 109240 г. Москва, России. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0529-3274> E-mail: antolip@yandex.ru

Дата поступления: 03.05.2021

Дата одобрения рецензентами: 15.09.2021

Дата публикации: 28.03.2022

Для цитирования: Липов А. Н. Карл Пингера. «В смерти он растоптал смерть!» Умирание, траур и пасхальная вера в восточноправославной традиции // Вестник славянских культур. 2022. Т. 63. С. 89–106. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-89-106>

Поскольку Церковь, как Тело Иисуса Христа, согласно православному и протестантскому пониманию, включает в себя и живых и мертвых, мы помним мертвых. В их культурном контексте обе традиции развивают свои собственные формы поклонения. Обе традиции также включают в себя обычай увековечивать память умерших в семейной обстановке. Православная церковь различает поминовение умерших для отдельных умерших и общее поминовение умерших для всех умерших христиан. После смерти православного христианина прихожане или родственники умершего собираются на третий день, чтобы помолиться за него. Этот день символизирует воскресение Христа.

Самая важная молитва за умершего для православных христиан произносится на сороковой день после его смерти. По мнению православных христиан, именно в это время душа умершего впервые предстает перед Богом. Это делается в память о том, что Христос вернулся к Отцу на сороковой день после Своего воскресения. Кроме того, в другие дни, в зависимости от местной традиции, произносятся молитвы за умершего.

Празднование годовщины проходит в церкви. Центральное место в молитвах или литургической памяти умерших занимает просьба о прощении грехов и спасении душ умерших. Зажигаются свечи, подают вареную пшеницу (как символ воскресения), могилу окропляют вином. Также при подготовке подарков к Евхаристии, перед каждой Божественной Литургией, священник поминает всех умерших, известных ему по имени.

В молитве за усопшего, как неотъемлемой части богослужения, и в регулярной литургической памяти на протяжении всего церковного года выражается солидарность, забота и любовь, которые выходят за рамки смерти, по отношению к усопшему. В то же время литургические тексты напоминают нам о нашей собственной изменчивости и увещевают живых ответственно относиться к Божьему дару земной жизни.

Христианская община получает утешение через слова и поступки. Через Крещение, Евхаристия/Вечеря Господня и другие формы совместной жизни и молитвы, она выражает свое понимание веры как участия в новой реальности. Согласно этой вере, воскресение касается человека в целом. Поэтому апостол желает христианам Фессалоник, их «духу», их «телу»..., и их «душа» может быть сохранена Богом и завершена Им (Mi, ср. 1. Thessaloniche, 5: 23). Таким образом, вера в воскресение Распятого дает утешение всем христианам. Церковь предлагает это утешение, сопровождая умирающих и их родственников, как одну из центральных задач и ритуалов в христианской традиции.

При этом смерть не является исключительно индивидуальным делом, но задачей общения верующих во Христа. Христиане верят, что Христос воскрес из мертвых и победил смерть. Христианская погребальная традиция, таким образом, является служением мертвым и живым, чье новое Единство во Христе, видимое как переход от смерти к новой жизни, что претворяется в пастырской и литургической практике православной и протестантской церквей, в соответствии с их основными канонами и литургической практикой.

1. Православный обряд похорон — «странный и увлекательный»

«Странно и увлекательно!» [10, s. 7]. В то же время именно так Восточные Церкви могут восприниматься многими наблюдателями в наших широтах, но аутсайдер так легко не найдет доступа в мир православного богослужения с его запутанным богатством обрядов и песен. И все же именно эстетическая привлекательность или экзотический трепет привлекают западных христиан, когда они приближаются к символическому миру восточной духовности. Ибо, может быть, именно в чужеродности православного культа собственное, в той мере, в какой это общее христианство, противостоит ему настойчиво и по-новому. Тексты православных служб смерти говорят о страшной тьме смерти, о безысходности всякого мимолетия, о чудовищной вине человека.

И все же, посреди этих скорбей, которые не замалчивают ужас смерти, можно услышать песню, которая была бы совершенно чуждой западным траурным литургическим событиям: Аллилуйя. Вся горечь смерти охвачена верой в воскресение Иисуса Христа. Таким образом, похвала Аллилуйи звучит и в час последнего прощания:

Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!
Блаженна Ты избранная и принятая, Господи!
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!
Ваша память длится от поколения к поколению.
«В смерти он растоптал смерть!»
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!
Их души будут жить с праведниками.
Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя!¹

Аллилуйя становится «погребальной песней»², в которой запечатлена основная мелодия христианской веры даже перед лицом смерти: вера в победу Христа над смертью. Пасха находится в центре церковного года. Это общее для всех христианских традиций. В восточных же церквях, однако, в течение церковного года он и сегодня является центром живого благочестия. Пасхальный тропарь подводит итог этой середине: «Христианин воскрес из мертвых, в смерти растоптал смерть под ногами, и принес жизнь всем в могилах». Несмотря на уверенность в том, что Христос уже уничтожил смерть, православная Литургия Мертвых дарует потрясение реальной испытанной судьбы смерти и мимолетности всего земного [6, s. 250].

И боль, и надежда переплетаются в православном праздновании мертвых. Марбургский богослов и религиовед Фридрих Гейлер (1892–1967) высоко оценил этот

¹ Аллилуйя для покоящихся в панихиде: Das Alleluja für die Entschlafenen in der Pannychida: Mysterium der Anbetung. Göttliche Liturgie und Stundengebet der Orthodoxen Kirche, hrsg. von Erzpriester Sergius Heitz, übers. und bearb. von Susanne Hausamman und Sergius Heitz. Köln, 1986. 461 s.

² Vgl. den Ikos nach der sechsten Ode: ebd. 473 s.

праздник как «самый богатый и задумчивый ритуал смерти всех христианских церквей, потому что здесь выражена «вся гамма человеческих чувств»: «Боль, скорбь, меланхолия по поводу мимолетности всего земного, неуверенность в грядущей судьбе души, до уверенности, торжествующей надежды и блаженств»³.

Фридрих Гейлер, сознательно открывшийся для программы «Евангельского католицизма», видимо, чувствовал эту форму поклонения не как нечто по существу чуждое, а как успешное и правильное выражение христианского подхода к смерти и трауру. Так он сам похоронил нескольких русских военнопленных, оказавшихся в Марбурге, «в отсутствие православного священника», согласно этому ритуалу⁴.

Далее необходимо описать основные особенности служения до и после смерти человека, чтобы выявить некоторые их пастырские и богословские аспекты. При этом мы будем учитывать только обряд Восточных Православных («византийских») церквей, в то время как наследие Восточных Православных Церквей будет рассматриваться лишь с нескольких сторон⁵.

2. Услуги до и после смерти

Православная традиция знает ряд литургических актов, сопровождающих умирание и смерть человека. Уже к трудным часам у постели умирающего человека подготовлен каноны молитвы: «Господу нашему Иисусу Христу и всемогущей Матери Божьей, в отделении души от тела каждого православного верующего»⁶. Согласно традиционной православной антропологии, возникновение смерти отождествляется с разделением души и тела. Канон обращается к Христу за Его милостью и умоляет Бого-

³ Ebd.

⁴ Там же. В 1945 г. Хайлер не уклонился от проведения Русской православной Пасхальной службы на церковнославянском языке для русских подневольных рабочих и бывших военнопленных в Елизаветинской церкви в Марбурге. Vgl. Hans Hartog Evangelische Katholizität. Weg und Vision Friedrich Heilers, Mainz 1995, 146f.; siehe dazu auch meinen Beitrag: Ex Oriente Lux. Vom Sinn ostkirchengeschichtlicher Forschung an einer Evangelisch Theologischen Fakultät — Gedanken zum 40 jährigen Bestehen des Seminars für Ostkirchengeschichte in Marburg, in: Jens Haupt (Hrsg.), Ex Oriente Lux. Licht aus dem Osten. Theologische Wissenschaft und ökumenische Freundschaft (Hofgeismarer Protokolle 328), Hofgeismar. 2003, 17–37, hier: 27f. Zur konfessionskundlichen Einordnung siehe Oeldemann, Die Kirchen des christlichen Ostens (wie Ann. 1), 9–14.

⁵ Vgl. zum Folgenden die Überblicke bei Irenaeus-Henri Dalmais Die Mysterien (Sakramente) im orthodoxen und altorientalischen Christentum, in: Handbuch der Ostkirchenkunde Bd. 2, hrsg. von Wilhelm Nyssen, Hans-Joachim Schulz und Paul Wiertz, Düsseldorf 1989, 141–181, hier: 155–160 (weitgehend identisch mit: ders., Die Liturgie der Ostkirchen [Der Christ in der Welt DX/5], Aschaffenburg 1960, 88–92), sowie Karl Christian Felmy, Die Verwandlung des Schmerzes. Sterbebegleitung und Totengedächtnis in der östlich-orthodoxen Kirche, in: ders., Diskos. Glaube, Erfahrung und Kirche in der neueren orthodoxen Theologie, hrsg. von Heinz Ohme und Johann Schneider (Oikonomia 41), Erlangen 2003, 104–146 (= in: Im Angesicht des Todes. Ein interdisziplinäres Kompendium Bd. 2, hrsg. von Hansjakob Becker u. a. [Pietas Liturgica 4], St. Ottilien 1987, 1087–1133). Siehe auch Karl Christian Felmy, Art. „Bestattung V. Christentum, 2. Liturgisch-praktisch, c) Orthodox, in: RGG* 1 (1998), 1370f.

⁶ В византийской ритуальной поэзии «канон» относится к серии гимнов, разделенных на девять групп, «оды», которые (по крайней мере, изначально) относятся к девяти библейским одентам (конечно, обычно поют только восемь од, так как вторая ода используется только во время Великого поста). Каноник является сердцем утреннего богослужения, но также может, в сочетании с обрамлением молитв, представить свой собственный порядок молитвы. гимнографии Константина Николаопулоса, православной гимнографии. Лексика православной гимно-музыкальной терминологии (Liturgische Texte und Studien 2). Schliern bei Köniz. 1999, 46f.

родицу ходатайствовать о его заступничестве⁷. Читаются молитвы о прощении грехов умирающего и о принятии его в вечный покой.

Другой порядок, свойственный Восточной Церкви, используется «в отделении души от тела, когда человек страдает от человеческих страданий». Здесь внимание сосредоточено на человеке, который страдает от смертельной болезни, но не находит освобождения от своих тяжелых страданий через смерть. Бог здесь призван не только облегчить агонию, но и молиться о том, чтобы неизлечимо больной человек наконец-то отдохнул от своей боли [3, s. 130].

Священник выражает просьбу: «Да, Господи Боже, услышь меня, Твоего грешного и недостойного служителя Твоего, и освободи раба Твоего от этих невыносимых мук и горькой болезни, которая заключает его в тюрьму, и пусть он покоится под духами праведных!» [8, s. 336]. Православная этика находит здесь, в своей собственной традиции, отправной точкой, когда вопрос о значении и масштабах мер по продлению жизни, которые иногда применяются сегодня любой ценой, становится острым! [7, s. 281–284].

Для похорон существует несколько орденов погребения, которые основываются на церковном статусе или возрасте усопшего: для мирян, священников, детей и для монахов. Уже Псевдо-Дионисий Ареопагита (около 500) различал в VII иерархии «De ecclesiastica», иерархию между захоронениями священнослужителей и мирян⁸. Приказы Православной Церкви содержат не только положения о самом погребении, но и охватывают все действия, которые должны совершаться после смерти и которые ритуально сопровождаются⁹.

Сюда входит омовение покойного, его одежда и укладка в траурном доме. За этим следует перевод в церковь с фактической панихидой. Наконец, даются инструкции по процессии к могиле и похоронам. Там, где местные условия не позволяют этого, можно отказаться от отдельных частей этой ритуальной структуры. В России, например, это относится, в частности, к обычаям в доме, где был покойник, и к процессии в могилу. Сама траурная служба в существенных чертах соответствует памяти умерших в Панихиде, которая будет рассматриваться немедленно, потому что забота о церкви о ее умерших не заканчивается погребением.

В память об умерших отмечается так называемая «Панничида». Слово происходит от «*navvoúiz*» («всю ночь») и указывает на то, что структура поминовения во многом соответствует «орфросу» (византийскому матутину)¹⁰. Помимо памяти по индиви-

⁷ Ср. например, характеристика порядка молитвы в катехизисе, в.: Andrej Lorgus, Michail Dudko *Orthodoxes Glaubensbuch. Eine Einführung in das Glaubens- und Gebetsleben*.

⁸ Vgl. Josef Stiglmayr *Des heiligen Dionysius Areopagita angebliche Schriften über die beiden Hierarchien* (Bibliothek der Kirchenväter). Kempten-München. 1911, 193: Если покойный принадлежал к священникам, то Архиерей [Архиепископ] призывает священника, возлагает покойного на Божественный алтарь и начинает молитву и благодарение Богу. Если покойный был из числа грешных монахов или из святой общины, то он кладет его в почтенном пресвитерии перед входом священников.

⁹ Современный римский миссионер немецкоязычного мира имеет, помимо стандартной формы для мирян, другие орации (ежедневные, дарственные и заключительные молитвы) для умершего Папы Римского, епархиального епископа, других епископов, священников, религиозных, людей, умерших молодыми, людей, активно проповедовавших, людей, умерших после долгой болезни или внезапно, супружеских пар, родителей, родственников, друзей и благодетелей, крещенных детей и детей, которые не смогли принять крещение (*Messbuch für die Bistümer des deutschen Sprachgebietes. Authentische Ausgabe für den liturgischen Gebrauch, Einsiedeln u.a.* 21988, 1179–1203).

¹⁰ Это не значит, что настоящий заказ продлится всю ночь... (обычно это занимает около часа). Принятие этой структуры, вероятно, впервые ощутимо в Евхологии X/XI в.; vgl. Elena Velkova Velkovska, *Funeral Rites in (he East*, in: Anscar J, Chupungco (Hrsg.), *Sacraments and Sacramentals* (Handbook for Liturgical Studies 4), Collegeville. 2000, 345–354, hier: 350.

дуальной смерти, различные дни в церковном году посвящены памяти всех умерших. Здесь особенно достойна упоминания суббота перед Пятидесятницей («Душевная суббота»), которая в народном благочестии похожа на западный «День всех душ»). Такие службы проводятся в третий, девятый и сороковой дни после смерти... в первую годовщину смерти. Христианское поминовение умерших в эти дни впервые засвидетельствовано в Апостольских конституциях VII, 42 (конец VI в.) [2, s. 553].

Последовательность этих дней основана на истории спасения: например, с воскресением Христа в третий день, девять ангельских хоров... или различные 40-дневные периоды в Ветхом Завете^{11 12}. Первая ода утреннего богослужения в каноне монаха Арсения свидетельствует о широте памяти, которая включает в себя всех верующих: «Ты, Господь и Владыка всех душ, Творец и Судья и Господь, в чьей руке были решены концы всего земного и, как Бог, вдохновил меня своим животворящим дыханием. Смилуйся и сам спаси, кого ты взял отсюда»¹³.

Для существующих смертных любого пола, любого возраста, Господи, любого достоинства и любой великой мольбы, мы все молимся, чтобы вы могли спасти тех, кого вы забрали отсюда. Твоей святой рукой, Слово, Ты сформировал меня из земли, и, как Бог, Ты вдохновил меня Своим животворящим дыханием. Сжальтесь надо мной и теми, которых забрали отсюда. В конце панихиды звучит тройной призыв «Вечная память», который, конечно же, призван утверждать намерение скорбящих сохранить благоговейную память об усопшем. Дело в том, что умершему заповедано вечное воспоминание о Боге. Снова и снова Божья любовь к человеку упоминается в ходатайственной молитве Панихиды. Надежда молящихся полностью направлена на победу Христа над смертью.

Христос — это воскресение, жизнь и покой мертвых, за которых, в соответствующем тройном желании, молимся о том, чтобы Его перенесли на место света, озеленения и освежения: Бог духов и всякой плоти, растоптавший смерть, победивший дьявола и давший жизнь миру, даруй, Господь, рабам Твоим (а рабам — рабам Твоим — рабу Твоему — рабам Твоим) покой души в месте света, в месте озеленения, в месте освежения, где рассеивается всякая боль, всякая скорбь и плач.

В конце Панихиды звучит троекратный возглас «Вечная память», который является намерением близких сохранить память об умершем. чтобы сохранить достойную память об усопшем. Скорее, это предание усопшего вечной памяти Божьей. Снова и снова Любовь Бога к человечеству упоминается в заступнической молитве Панихиды. Надежда молящихся полностью направлена на победу Христа над смертью. Христос — это воскресение, жизнь и упокоение мертвых, за которых в соответствующем троекратном пожелании молятся, чтобы он отправился усопших в место света, зелени и освежения:

Бог духов и всякой плоти, попирающий смерть, побеждающий смерть, побеждающий смерть, побеждающий смерть. Победи дьявола и дай жизнь миру, даруй, Господи! Рабы Твои (и служанки — служанки Твоей — рабыни Твоей — Твой слуга). служанка Твоя, покой

¹¹ Иногда также встречается (вероятно, изначально заложенная) идея, что судьба души решается окончательно только через 40 дней. Vgl. Felmy Verwandlung (wie Anm. 8), 106 mit Verweis auf das Werk «Nastol'naja kniga», eine Art pastoralliturgischem Handbuch der Russischen Orthodoxen Kirche.

¹² 75 — это суббота перед вторым воскресеньем перед началом Великого поста, суббота второй, третьей и четвертой недели поста и понедельник на второй неделе после Пасхи.

¹³ Kilian Kirchoff Osterjubiläum der Ostkirche. Hymnen aus der fünfzigstägigen Osterfeier der byzantinischen Kirche, hrsg. von Johannes Madey. Münster, 1988. 510 s.

души в месте света, зелени, в месте освежения, где вся боль, все страдания и Вся скорбь и плач. Прости им (ему– ей), добрый и человеколюбивый Бог, что они (он) согрешили в словах, делах или мыслях, потому что ни один человек не живет, не согрешив. Ибо ты, только Ты без греха, праведность Твоя — праведность вечная, и Слово Твое есть истина. Ибо Ты еси воскресение и жизнь и покой (раба Твоего) (и рабыни Твоей — служанки Твоей), Христа Бога нашего, и Тебе мы воссылаем славу, и к Отцу Твоему безначальному и Духу Твоему всесвятому, благому и животворящему, ныне и присно и во веки веков. Аминь [1, s. 460].

И последнее, но не менее важное: каждая евхаристическая литургия имеет обряд поминовение усопших. В глубоком символизме подготовительный акт («Проскомидия») показывает, что усопший принадлежит к общению Церкви с Христом, ее главой. с Христом, ее главой!¹⁴ Из жертвенных хлебов («просфор»), принесенных верующими для празднования Вечери Господней, священник отрезает большой кусок хлеба и кладет его в середину чаши для причастия («просфоры»). Чаша для причастия («Дискос»). Вокруг этого большого куска хлеба, который представляет Христа, другие маленькие кусочки группируются в точно определенном порядке в память о Пресвятой Матери, святых, живых и, наконец, усопших [4, s. 26].

«Таким образом, вокруг этого хлеба, вокруг Агнца, который и есть Сам Христос, собрана вся Его Церковь, как торжествующая в небесах, так и борющаяся на земле. Сын Человеческий появляется как бы посреди людей, ради которых Он принял плоть и стал человеком»? По списку священник называет имена покойных, которых следует особо запомнить. И у верующих есть возможность заполнить листки бумаги с именами умерших...»¹⁵. После того, как в евхаристической молитве хлеб, представляющий Христа, становится Телом Господним, следует длинный ряд обращений. Универсальность Поминовения «всех и вся» вновь выражено здесь. После упоминания Пресвятой Матери и святых, произносится молитва за усопшего «Помяните и всех уснувших в надежде воскресения в жизнь вечную».

Здесь священник упоминает по имени усопшего, которого он хочет помянуть. «Дай им покой там, где сияет свет лика Твоего»¹⁶. Панихида по усопшему часто совершается сразу после евхаристической литургии. Приглашается вся община, все держат в руках зажженные свечи. На стол перед алтарем ставится специальное блюдо: коллива¹⁷. Как и свечи, этот пирог также символизирует пасхальную победу Христа. Основной ингредиент — набухшие зерна пшеницы, смешанные с различными фрук-

¹⁴ По истории и символике просекомии ср. Карл Кристиан Фелми. Священник вырезает большой кусок хлеба у раннего христианина и кладет его в середину чаши для вечернего махиса («дискотеки»). Вокруг этого большого куска хлеба, который представляет Христа, другие маленькие кусочки сгруппированы в точно определенном.

¹⁵ Vgl. Michael Kunzler Wir haben das wahre Licht gesehen. Einführung und Gestalt der byzantinischen Liturgie (Sophia 27). Trier 1991. S. 116–118. Кунцлер считает эту форму евхаристического воспоминания об умершем с его скульптологической символикой достойной рассмотрения в качестве альтернативы часто индивидуалистически узкой практике в латинском обряде «заказать» мессу для умершего.

¹⁶ Покровительство находится в литургии Златоуста и Василия Блаженного, две евхаристические формы, которые, в зависимости от дня церковного года используются (почти) исключительно в Восточных Православных Церквях. Vgl. die Synopse in: Oeiat Anrtovpyia/Göttliche Liturgien. Griechisch-Deutsch, hrsg. von Anastasios Kallis Münster, 2003. S. 86–89.

¹⁷ В зависимости от случая, известны и другие способы приготовления колливы. Горькая «коллива» состоит только из вареного зерна и изготовлена специально для панихиды. Часть его опускают в могилу по окончании службы или оставляют в могиле. К дальнейшим различиям в подготовке колливы (что, конечно, не означает литургические правила; это местные обычаи) см.: David J. Melling/Ken Parry/Archimandrite Ephrem, Art. «kollyba/kollyva», in: The Blackwell Dictionary of Eastern Christianity, hrsg. von Ken Parry u.a, Oxford 2001. 285f.

тами (такими, как изюм, гранат, миндаль или орехи) и посыпанные сахаром или глазурью. Эта пища, которая раздается верующим после После молитвы, напоминая слова Ерма о пшеничном зерне, которое должно умереть, чтобы принести обильный плод (Joh, 12: 24)¹⁸.

3. Пастырские и теологические аспекты

3.1. «Преобразование боли»

Восточная Церковь сопровождает умирание и смерть человека, а также память о нем богатым разнообразием богослужений. Если посмотреть на тексты похоронных и поминальных служб, то можно сказать, что Церковь открывает внутренний путь, на котором, как выразился Карл Христиан Фельми, может произойти «преобразование боли»?¹⁹. В конце Панихиды — «прощание», последний «поцелуй». Пострадавшие могут попроситься во плоти, обнимая руки и лоб трупа. Стензы («Стихира»), исполняемые вместе с ними, принимают траур общины: в зависимости от случая известны и другие способы приготовления колливы:

Братья, прощайте! Что за плач, кто плачет в этот момент! Тогда поприветствуйте того, кто был с нами совсем недавно. Пока же он будет отдан в могилу, заключенную в камень, поставленную во тьму, похороненную вместе с мертвыми. Но все мы, родственники, друзья, мы прощаемся с ним. Но дай ему отдохнуть, Господи, мы умоляем тебя (2. Sticheron). Плач и скорбь скорбящих становится громкой перед лицом темноты могилы: «Поглощенные во тьме червями, покрытые землей», и понесшие тяжелую утрату должны оставить мертвых (2. Sticheron) [9, s. 31].

Тело, которое было живым минуту назад, теперь бесчувственно: глаза закрыты, ноги связаны, руки отдохнули, слух, как у них, язык крепко закрыт в тишине. Он передан в могилу. Да, тщеславие — это все человеческое (11. Sticheron)²⁰. Тщеславие и мимолетность всего земного — лейтмотивы Стихиры и всего служения. Нет недостатка в обнадеживающих взглядах на Христа, но они остаются кратковременными и не спешат навстречу. «Идиомела» монаха Иоанна, в частности, оттеняется определенной мрачностью, неизбежностью²¹.

«Горе, с какой битвой борется душа, когда она отделяется от тела! Ах, как она так горько плачет, и некому ее помиловать. В поисках помощи она поворачивает глаза на ангелов, протягивает руки к людям и не находит никого, кто мог бы ей помочь. Поэтому, возлюбленные братья мои, помня о краткости нашей жизни, давайте о том, чтобы умолять Христа, дать нам покой для мертвых и молиться о Его милости к нашим душам

¹⁸ «Горькая коллива» состоит только из вареного зерна и изготовлена специально для панихиды. Часть его опускают в могилу по окончании службы или оставляют в могиле. Дальнейшие различия в подготовке колливы (которая, конечно, не связана с литургическими правилами; это местный обычай) см. в разделе Дэвид Меллинг/Кен Пэрри/Архимандрит Эфрем, Арт. «Коллиба/коллива», в: Словарь Блэквелла по восточному христианству, под редакцией Кена Пэрри и других, Оксфорд 2001. 285f.

¹⁹ Vgl. Felmy Verwandlung (wie Anm. 8), bes. 122–127. См. также духовная и пасторальная разработка аспектов литургических текстов: Josef Casper Weltverklärung im liturgischen Geiste der Ostkirche (Ecclesia Orans 22), Freiburg i.Br. 1939, 211–222; Anastasios Kallis Der letzte Kuß. Der Abschied von Toten, in: ders., Brennender, nicht verbrennender Dombusch. Reflexionen orthodoxer Theologie, hrsg. von Ines und Ursula Kallis Münster 1999, 281–292 (= überarbeitete Version des Aufsatzes in: Der Umgang mit den Toten. Tod und Bestattung in der christlichen Gemeinde, hrsg. von Klemens Richter [Quaestiones disputatae 123], Freiburg i.Br. 1990, 63–76).

²⁰ Ebd., 34.

²¹ Matzerath Totenfeiern (wie Anm. 27), 23f.

(2. Idiomelon)»²². Это незримо присутствует и сам покойник, которому ритуальная поэзия во время «прощания» озвучивает свой голос. Это Он лучше, чем кто-либо другой, отвечает на плач своих близких. И он тоже впитывает их боль, не смягчая твердость судьбы смерти:

... что ты видишь меня без звука..
все плачут по мне, дорогие братья,
Родственники и знакомые!
Потому что только вчера я говорил с тобой;
но внезапно на меня напал час смерти.
Так что приходите все, кто меня любит,
и поцелуй меня в последний раз!²³.

Умершему напоминают, что теперь он предстанет перед вечным судьей, где нет уважения к человеку. Оставшихся в живых родственников просят об их заступничестве поминовении, чтобы усопший мог достичь «того места, где светло свет жизни сияет». Карен Шмитц проработала пастырское измерение такой речи об умерших для сирийской православной традиции, которая знает подобные тексты: чувство, что многое осталось невысказанным, часто порождает у близких желание еще раз поговорить с умершим, или услышать его голос. Незавершенное и незавершенное было взято на литургию и приведено в форму, соответствующую христианской вере²⁴.

Тот факт, что православная похоронная литургия дает большое пространство для траура, следует ценить как выражение пастырского подхода к смерти. Только плачущие глаза смогут увидеть фигуру воскресшего Христа, попирающего смерть собственной смертью. Только там, где литургия не принимает человеческий аспект, может произойти «трансформация боли». Православная литургия не пропускает тяжесть смерти через рационализации, к которым католическое богословие иногда склонно.

Таким образом, о смерти не говорят красиво, как об освобождении от горчи и слез мира, как о добре, открывающем врата в вечность. В противном случае, это не соответствовало бы христианскому учению о человеке и его спасении²⁵. Песнопения на похоронах ребенка занимают это пасторальное измерение не только с повышенной драматичностью, но также и с тонкой чувствительностью. Когда родители поют о безграничной боли, они чувствуют, как разделяются их страдания, и что Церковь и община, празднующая с ними, солидарны с ними:

²² Тот факт, что за обрядом прощания стоят обычаи древних погребальных обрядов и что «обряд меланхолии» сопровождается песнями, «в которых траур по мимолетности жизни и красоте звучит с такой элементарной жестокостью, как когда-то в элегиях Жонье Мимнермоса», по праву уже был подчеркнут, см.: Anton Baumstark *Vom geschichtlichen Werdender Liturgie* (Ecclesia Orans 10). Freiburg. i.Br. 1923, 26.

²³ Karen Schmitz *Abschied in der syrischen Beerdigungsliturgie*, in: Martin Tamcke/Andreas Heinz (Hrsg.), *Zu Geschichte, Theologie, Liturgie und Gegenwartslage der syrischen Kirchen. Ausgewählte Vorträge des deutschen Syrologen-Symposiums vom 2.4 Oktober 1998 in Hermannsburg* (Studien zur Orientalischen Kirchengeschichte 9), Münster, 2000. S. 399–408, hier: S. 406–408.

²⁴ Karen Schmitz *Abschied in der syrischen Beerdigungsliturgie*, in: Martin Tamcke/Andreas Heinz (Hrsg.), *Zu Geschichte, Theologie, Liturgie und Gegenwartslage der syrischen Kirchen. Ausgewählte Vorträge des deutschen Syrologen-Symposiums vom 2.4 Oktober 1998 in Hermannsburg* (Studien zur Orientalischen Kirchengeschichte 9), Münster. 2000. 399–408, hier: 406–408.

²⁵ So Kallis *Der letzte Kuß* (wie Anm. 26), 283.

Ничто так не полно сострадания, как мать,
и нет никого несчастного, как отец!
Потому что их внутренняя сущность глубоко потрясена,
когда они выпроводят маленького ребенка из дома.
Как, о, укус боли, которые они несут в своих
сердцах для своих детей, особенно когда те, кто уже
умеет говорить; и теперь они пересматривают свои слова.
с пением Аллилуйи!

Литургия дает голос не только умершим, но и скорбящим родителям в трогательной манере:

Часто они бьют грудь о могилу,
и скажи: «О, мой сын, мое дорогое дитя!
Ты не слышишь, что говорит твоя мать?
Видишь здесь утробу, которая носила тебя.
Разве ты не говоришь так, как когда-то говорил с нами?
На самом деле, ты перестаешь с нами разговаривать: Аллилуйя?»²⁶

Путь утешения в этом служении проложен таким образом, что смерть младенца связана с судьбой Христа. Прямо в первой оде канона поется, что вечное Слово Божье само стало младенцем. Поэтому к нему обращена просьба нежно молиться о ребенке «в лоне Авраама». Молящиеся напоминают Христу об обещании, что дети войдут в Царство Божье (ср. Евангелие от Матфея 18: 3 и Луки 18: 16): «И только младенец по милости твоей имеет Царство Твое»²⁷. Обещание. Тот факт, что несовершеннолетний ребенок еще не смог согрешить, становится причиной для утешения. Наставление кладут в рот ребенку:

О, не плачь обо мне!
Потому что я не достоин жалоб.
Но лучше плачьте о себе, как о грешниках,
Родственники и друзья,

Поэтому плачет маленький ребенок, который скончался²⁸. Церковь также свидетельствует о молитве, с которой ребенок обращается ко Христу, чтобы утешить родителей своих:

«О, Боже, Боже, который позвал меня.
Будь теперь сладким утешением для моего дома;
ибо великая скорбь их всех объединила.
Ибо все глаза мира были устремлены на меня,
потому что я ее единственный ребенок.
Но ты, рожденный от утробы девственности,
... ты освежишь душу моей матери,
и послать нежную росу в сердце моего отца,
который поет Аллилуйю!»²⁹

²⁶ Zitate aus den Oikoinach der sechsten Ode: Matzerath, Totenfeiern (wie Anm.27), 60.

²⁷ Ebd., 56. — Mt 18,3 wird wieder aufgegriffen in der sechsten Ode.

²⁸ Drittes Tropar der fünften Ode: ebd., 59.

²⁹ Aus den Oikoi nach der sechsten Ode: ebd., 60f.

В девятой оде, в которой всегда упоминается Великолепие, частица Марии (Луки 1: 46–55), появляется Христос, который на кресте видел скорбь Своей матери:

«Маленьким ребенком ты стал, Господи, не изменившись.
и ты посмотрел на крест-добровольца,
на горькие скорбные песни твоей матери.
Успокойте печаль и горькую боль.
верных родителей этого повешенного ребенка,
что мы прославляем твою силу!»³⁰

Не впасть в крайнее отчаяние в могиле ребенка можно, если осознать, что Сам Христос когда-то был младенцем, что Он обещал доступ в рай тем, кто станет подобен детям, но также и то, что Христос — Сын Марии, сам взял на Себя судьбу смерти и при этом воспринял боль матери. Вера в Воплощение, Воплощение Бога, становится последней причиной утешения и это пастырское попечение укоренилось в православных догмах.

3.2. Христианское понимание смерти

Тот факт, что литургические тексты укоренены в христианской догме, означает, что они принимают на себя чувства человеческого горя, но, с другой стороны, они странным образом чужды контексту современных обществ. Православные богословы отмечают, что смерть «технократического богатого общества» не рассматривается так радикально, как это осмеливается делать литургическая традиция. Вместо этого Смерть, воспринимается как простой деструктивный фактор жизнедеятельности³¹.

Если же смерть все-таки всплывает на поверхность, то только с вопросом о том, как можно сделать смерть как можно более безболезненной³². Противоречие христианского послания, как оно сформулировано в литургии церкви, против тенденции делать трагедию смерти невидимой, показал Александр Шманн (1921–1983), много лет проработавший деканом в Свято-Владимирской богословской семинарии (Крествуд/Нью-Йорк)³³. Для Шмемана христианство — это не просто примирение людей со смертью, а фальсификация христианского послания, когда оно утилитарно в использовании, чтобы помочь людям «хорошо» умереть.

Шманн же настаивает на том, что, согласно христианскому пониманию, смерть никогда не может быть понята как нечто хорошее или как естественное явление нашей реальности. Смерть не принадлежит Богом данному порядку творения и жизни, она ее враг. «Христианство — это не примирение со смертью, а ее откровение, и оно может открыть смерть, потому что оно открывает саму жизнь. Эта жизнь — Христос. И только если Христос есть жизнь, то христианство может объявить смерть врагом, который будет уничтожен, а не «тайной», которую следует объяснить³⁴.

На заднем плане, присутствует связь между Падением и пасхальным посланием в истории спасения. С Падением Адама смерть как нечто глубоко чуждое и враждеб-

³⁰ Ebd., 63

³¹ So etwa Kallis *Der letzte Kuß* (wie Anm. 26), 292.

³² Это — отправная точка размышлений в книге Вигена Гурояна *Смерть и смерть в православной литургической традиции: к пастырской этике умирающего колодца*. В: ders., *Ethics after Christendom. Toward an Ecclesial Christian Ethic*. Grand Rapids. 1994, s. 175–199.

³³ Vgl. zum Folgenden Alexander Schmemmann *Aus der Freude leben. Ein Glaubensbuch der orthodoxen Christen*, Olten, 1974. S. 117–129 (Kap. 6: «Den Tod durch den Tod zertreten»).

³⁴ Ebd., 123.

ное вошло в доброе творение. В свете победы Христа, растоптавшего смерть в своей смерти, только в момент его уничтожения смерть раскрывает весь ее гротеск. Ужасно. В гимнах похоронного торжества человек говорит не только о потере образа Божьего и пришествии смерти в мир, но и о надежде на возвращение в исходное состояние жизни без конца:

Ты сделал меня из ничего своей рукой.
и удостоен твоего божественного образа.
Но ты зовешься, потому что я нарушил заповедь твою
..., на землю, с которой меня забрали.
А теперь верни меня в состояние подобия,
и позволь мне стать первой красавицей» [11, s. 12]

Именно «наглая смерть» убила Христа, первобытное начало всей жизни³⁵. Шманн напоминает нам, что смерть — это не только физическое уничтожение человека. Отделяя мир от жизни, смерть также отделяется от Бога. Теперь Христос взял на Себя силу от смерти, приняв на Себя скорбь, боль и смерть. Настоящая «помощь» христианства в страданиях и смерти прежде всего заключается в признании того факта, что в этом мире всегда будут бедствия, которые в лучшем случае можно облегчить, но никогда полностью не удалить, даже не откладывая их на потом в лучшее время.

Для Шемана речь идет о том, чтобы опустить собственную боль и страдание в страдания Господа, и тем самым преобразить их в сакраментальные, как бы: «В его страданиях не только каждое страдание в этом мире стало значимым, но и оно получило силу стать знаменем, стать таинством, возвещающим о «пришествии» этой победы. «Поражение человека, да, его смерть стала образом жизни»³⁶, — такое богословие выросло из духовного и интеллектуального наследия Православия. Но, похоже, что его прозрения выходят за рамки христианских деноминаций.

3.3. Пастырские вызовы

Празднование похорон и память умерших имеют впечатляющее пастырское и богословское содержание. Однако тексты этих торжеств разделяют судьбу православной литургии в целом: они остаются широко непонятными, когда богослужение проводится на непонятном для массы верующих языке, то есть в церквях со старославянской или древнегреческой церковью. Там, где в соответствующих церквях не предпринимается никаких усилий по донесению текстов до людей, например, в двуязычных изданиях, их богатство идей остается непонятным, и их утешительный потенциал вряд ли будет развивать свой эффект³⁷.

К сожалению, подготовительная часть Божественной Литургии с приведенной выше символикой хлеба проходит за еще закрытыми дверями иконостаса. В большинстве православных церквей также принято, что заступничество после епиклесиса, в котором поминаются и мертвые, произносится священником особо проникновенно.

Тем не менее следует отметить, что верующие, знакомые с литургией, хорошо знают, что происходит на службе, о чем говорится в текстах и какое значение имеют обряды, ускользающие от их взора: «Когда еще раз видишь, как обильно православные

³⁵ Таким образом, второй тропарь седьмой оды панихиды для мирян: ΕΥΧΟΑΟΤΙΟΝ ΤΟ ΜΕΤΑ (wie Anm. 11), 411.

³⁶ Schmemmann Aus der Freudeleben (wie Anm.41), 124.

³⁷ Ebd., 113.

верующие используют возможность ходатайства, как в святилище снова и снова приносят новых проповедников и мемориальные доски, то видишь, что совершается только очень особенное и очень важное. Типичное западное понимание участия конгрегации на данном этапе может отрицать это»³⁸.

Но, с другой стороны, можно спросить, не поставит ли это себя в опасность сделать добродетель из (литургической) необходимости. В конце концов, православные церкви в любом случае могут сами решать, как они хотят праздновать свое служение в будущем. Еще одним вызовом для Церкви является возникновение кремации. Вопросы интерпретации традиционной антропологии и эсхатологии сочетаются с пасторальными аспектами. И здесь, прежде всего, в православии будет достигнут консенсус о том, что тело человека должно быть захоронено в целостности и сохранности.

Не в последнюю очередь погребение Христа служит примером для подражания. И, конечно же, это лучший способ выразить надежду на воскресение, которое тоже будет воскрешением тела. Спорно, принадлежит ли дуальность души и тела, которая является основой традиции и которая должна быть воссоединена в Судный день, к безотзывным идеям ортодоксальной антропологии.

И это связано с тем, считаем ли мы кремацию совершенно несовместимой с религиозными убеждениями и отказываемся ли от традиционного церковного погребения. Поэтому вопрос о допустимости кремации обсуждался в православной традиции захоронения крайне противоречиво. В Греции кремация тела иногда клеймится языческим обычаем³⁹. С другой стороны, известно, что довольно много священников на Руси изменяют обряд погребения при кремации, хотя остается бесспорным, что эта форма погребения в принципе нежелательна церкви⁴⁰.

Современные православные Феологены, которые не отрицают христианской символической ценности погребения трупа, тем не менее уже не видят догматической проблемы в кремации. Для Анастасиоса Каллиса это «пастырский вызов, с которым Церковь должна справиться, обращая внимание своих верующих на то, как обращаться с мертвыми в современном обществе» [5, s. 24].

3. 4. Народные обычаи и христианская весть

Помимо церковного культа, народные культуры православных стран обладают довольно красочным богатством обычаев, отражающих предхристианские представле-

³⁸ Vgl. etwa: Bert Groen Burying the Dead is Christian Burning is Pagan. The Present Controversy about Cremation in: Greece and Greek Orthodox Funeral Rites, in: Journal of Eastern Christian Studies 53 (2001), 201–218.

³⁹ Vgl. Lorgus/Dudko Orthodoxes Glaubensbuch (wie Anm. 10), 133: «Сожжение умерших православных христиан никогда не было традиционным». Вот почему весь похоронный ритуал основан на том. Похороны. Сегодня, однако, сжигание православных людей стало обычным явлением, хотя Церковь этого не желает. Некоторые священники так делают: все поминальные службы и благословения проводятся одинаково, за исключением «передачи на землю», записки с молитвой «Отпущение грехов» и бумажной ленты. Последние не помещаются в гроб, а остаются у родственников. Священник осуществляет символическую «сдачу на землю» и кропит землю на белом листе бумаги.

⁴⁰ 50 Земля обернута в эту бумагу и вместе с бумажной ленточкой и Абсолютной Молитвой хранится у родственников. Во время кремации в гробу не остаются священные предметы. Когда пепел погребен, «земля», Абсолютная Молитва и бумажная лента помещаются в пакет в земле, так что все вместе с пеплом остается разложиться. Оставление пепла за пределами земли противоречит всем традициям Православной Церкви и смыслу похорон. Даже если детали различных ритуалов здесь не могут быть рассмотрены в настоящих рамках, отрывок показывает серьезные, пусть и не совсем несложные, усилия по организации кремации в ортодоксальном смысле этого слова.

ния о судьбе души после смерти. Иногда такие обычаи лишь поверхностно приспособляются к христианской вере в воскресение. Некоторые вещи также остаются двусмысленными: упомянутое выше приношение литургического блюда «коллива», с одной стороны, ясно выражают надежду на воскресение с образом пшеничного зерна, падающего в землю и умирающего⁴¹.

В молитве об освящении этой пищи содержится просьба о прощении грехов умерших. С другой стороны, похоже, что особенно среди менее образованных верующих до сих пор существует понимание, которое связывает колливу с идеями кормления мертвых⁴². У обычаев, естественно, имеют место и сильные местные различия.

Например, в некоторых местах принято класть кусок глины с буквами IXNK в рот умершего, чтобы защитить его от дьявола. В церкви, а также в могиле мертвые лежат с лицом на восток. С востока ожидается Пришествие Христа. Во многих местах после смерти скорбящие собираются в доме скорби, часто с заметным поворотом событий, чтобы оплакивать судьбу умершего и душевную боль утраченного.

Уже в поздней Античности Церковь видела опасность того, что верующие здесь отдают себя в траур без всякого упоминания о надежде на воскресение, что христиане таким образом оплакивают усопшего, как «другие, не имеющие надежды» (1 Thess 4, 133). Правда, все попытки предотвратить подобную практику из языческой среды были обречены на провал». Там, где православные христиане хотят придерживаться таких обычаев в социальной среде, не отмеченной традиционной православной народной культурой, они могут быстро достичь своих пределов. Это касается и людей с миграционным прошлым из православных стран в Германии⁴³.

В современных арендованных квартирах, например, громкие плачи умерших могут вызвать недовольство не православных соседей. Плач по умершим еще более вероятен в больницах. Для того чтобы привести мертвых в их дома, не нужно преодолевать никаких мелких бюрократических преград. Некоторые правила кладбища запрещают принимать пищу на могиле, но это запрещено в связи с годовщинами (№ 3 Felmy, «Verwandlung» (wie Anm. 8, 12). В целом, однако, такие и подобные трудности касаются не ядра религиозной практики церкви, а лишь пределов религиозного обычая.

Некоторые православные предпочитают, чтобы их умерших перевели обратно домой. Если одна православная община решила построить собственное деноминационное кладбище, то это, вероятно, основано на желании предложить верующим кусочек дома после смерти в стране, которая до сих пор не стала домом. Хотя, конечно же, нет никаких реальных религиозных оснований для создания ортодоксальных кладбищ или кладбищенских участков.

⁴¹ 51 Vgl. dazu Paul Wiertz/Martin Petzold О религиозной народной культуре восточных и православных церквей, в: Handbuch der Ostkirchenkunde Bd. 3, hrsg. von Wilhelm Nyssen, Hans-Joachim Schulz und Paul Wiertz, bearb. von Martin Petzold, Düsseldorf 1997, 70–133 (125–132: Tod und Begräbnis) sowie Felmy Verwandlung (wie Anm.8), 127f.

⁴² Felmy Verwandlung (wie Anm.8), 127.

⁴³ Vgl. dazu die Studien von Gerdien Jonker: Tod und Abschied. Von der Schwierigkeit, in der Fremde zu trauern, in: Alter Baur in fremdem Boden. Migranten altern in der Fremde. Tagung des Deutschen Roten Kreuzes, Landesverband Berliner Rotes Kreuz e.V. am 21. und 22. März in Berlin, Berlin 1996, 56–62; Death Gender and Memory. Remembering Loss and Burial as a Migrant, in: Death, Gender and Ethnicity, hrsg. von David Field, Jenny Hockey und Neil Small, London. 1997, 185–201; «Wie gut sind die Tränen, wie süß die Klagen». Tod und Begräbnis in der Migration: Griechen und Türken in Berlin, in: Sterben und Tod in Europa. Wahrnehmungen — Deutungsmuster — Wandlungen, hrsg. von Ulrich Becker, Klaus Feldmann und Friedrich Johannsen, Neukirchen/Vluyn. 1998, 135–144.

Это отчетливо видно при прогулке по кладбищу в Перлахер Форст в Мюнхене. Там находится, без какого-либо особого ортодоксального обрамления — могила Александра Шмореля, который как член группы сопротивления «Белая роза» был убит национал-социалистами 13 июня 1943 года. Православные христиане почитают его как свидетеля веры⁴⁴. Среди обычаев умерших, которые явно вытекают из дохристианских обрядов, жертвоприношение животного является особенно значимым примером в Армянской Апостольской Церкви⁴⁵.

По случаю смерти (но также и в других случаях) здесь забивают молодое животное, а в рот кладут благословенную соль. Священник председательствует на церемонии. Тексты ссылаются на ветхозаветную жертву и выражают искупительный характер поступка. После убоя проводится жертвенная трапеза, на которую также приглашается священник. Ранние литературные свидетельства об этом жертвоприношении датируются VII веком (канон 6, так называемых, «сахакских канонов»).

В них обряд прослеживается в Армении до священикомученика Григория Просветителя, и тот факт, что ритуальный акт ведет к языческому обычаю, не скрывается: говорят, что языческие священники, которые имели право на часть жертвоприношений животных, опасались за свои средства к существованию, когда было введено христианство. Почти само собой разумеется, что этот обычай почти не культивируется за пределами Армении в мировой диаспоре⁴⁶. И в этом смысле для отдельных православных христиан, которые еще на собственном опыте знают помнят обычаи своей Родины, безусловно, иногда мучительно и больно, когда большая часть их традиций становится жертвой изменившихся условий жизни в диаспоре.

С церковной точки зрения в этом, по общему признанию, существует некая возможность: иначе, где. Если не на родине, по-настоящему церковные обряды, порой несколько заросшие народным поверьем, могут быть раскрыты вновь и в глубине своего смысла раскрыты и присвоены заново. Не следует забывать, что некоторые вещи стали частью народных обычаев, которые способны закрепить в жизни верующих обращение со смертью, смертью и трауром в лучшем ортодоксальном смысле.

Пример этого, основанный на нашем собственном опыте, должен завершиться следующим вкладом: недавно я планировал посетить православный монастырь на севере Ливана, известный своими фресками. Как только я прибыл в монастырь, туда пришло известие, что настоятельница умерла несколько часов назад в бейрутской больнице. Весть о смерти общепризнанной настоятельницы распространялась с молниеносной скоростью в окрестных деревнях.

Верующие стекались в монастырь, чтобы выразить свои соболезнования монахиням и помочь с подготовкой к панихиде. Каждый раз, когда двое людей встречались, они пропускали обычные приветствия. Вместо этого они обменялись лишь взаимным

⁴⁴ Vgl. die Abbildung bei Reinhard Thöle, *Orthodoxe Kirchen in Deutschland* (Bensheimer Hefte 85), Göttingen, 1997, 31.

⁴⁵ 57 Vgl. dazu Schmidt *Kanon der Entschlafenen* (wie Anm., 51), 66–71.

⁴⁶ 58 Кстати, неправильно связывать этот армянский обычай с теми животными жертвоприношениями, за которые в средневековых византийских евхологиях сохранились молитвы (см. две молитвы в: *Jacobus Goar Euchologionsive Rituale Graecorum*, Venedig 1730, Nachdr. Graz 1960, 566f. Ибо это всего лишь обряд «благословения плоти после Великого поста перед Пасхой». См. об этом: (и на отказ от жертвоприношения животного в: *Kanon 99 desII, Trullanums 691/92, wobei auffälligerweise nur an der Sonderstellung des Priesters bei der Aufteilung des Opfertieres und an der Schlachtung im Kirchenraum Kritik geübt wird*): *Concilium Quinisextum/Das Konzil Quinisextum*. Übersetzt und eingeleitet von Heinz Ohme (Fontes Christiani 82). Turnhout. 2006, 78–80.

призывом, который принято принимать на Пасху и который обобщает суть православной, христианской веры: «Христос воскрес!» — «он действительно воскрес!».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Casper J.* Weltverklärung im liturgischen Geiste der Ostkirche (Ecelesia Orans 22). Freiburg i.Br, 1939. 233 s.
- 2 *Didascalia et Constitutiones Apostolorum I* / ed. Franciscus Xaverius Funk. Paderborn, 1905. 553 s.
- 3 ΕΥΧΟΛΟΓΙΟΝ ΤΟ ΜΕΤΑ ΤΗ ΚΑΤΑ ΑΝΑΤΟΛΙΑΣ ΟΡΘΟΔΟΞΟΥ ΚΑΘΟΛΙΚΗΣ ΕΚΚΛΗΣΙΑΣ. Athen, 1992. 336 s.
- 4 *Gogol N. V.* Gogol Betrachtungen über die Göttliche Liturgie. Würzburg, 1989. 167 s.
- 5 Handbuch der Ostkirchenkunde. Düsseldorf: Hrsg. von Wilhelm Nyssen, Hans-Joachim Schulz und Paul Wiertz, bearb. von Martin Petzold, 1997. Bd. 3. 305 s.
- 6 *Heiler F.* Die Ostkirchen Neubearbeitung von Urkirche und Ostkirche. München, 1971. 250 s.
- 7 *Kallis A.* Das hätte ich gerne gewußt. 100 Fragen an einen orthodoxen Theologen (Orihodoxe Perspektiven 3). Münster, 2003. 372 s.
- 8 *Kirchhoff K.* Osterjubiläum der Ostkirche. Hymnen aus der fünfzigjährigen Osterfeier der byzantinischen Kirche, hrsg. von Johannes Madey. Münster, 1988. 510 s.
- 9 *Matzerath P.* Die Totenfeiern der byzantinischen Kirche (Heilige Feiern der Ostkirche). Paderborn, 1939. 159 s.
- 10 *Oeldemann J.* Die Kirchen des christlichen Ostens. Orthodoxe, orientalische und mit Rom unierte Ostkirchen. Kevelaer, 2006. 230 s.
- 11 *Thöle R.* Orthodoxe Kirchen in Deutschland (Bensheimer Hefte 85). Göttingen, 1995. 112 s.

© 2022. Anatoly N. Lipov
(translation)
Moscow, Russia

KARL PINGGERA. “HE TRAMPLED DOWN DEATH BY DEATH!” DYING, MOURNING, AND EASTER FAITH IN THE EASTERN ORTHODOX TRADITION*

Translated from the German by A. N. Lipov

*Translated from: Karl Pinggera “He trampled down death by death!” Dying, mourning and Easter faith in the Eastern Orthodox tradition. In: Dying, Death and Mourning in the Religions and Cultures of the World. The dignity of the human being at the end of life in theory and practice. Berlin, EB, 2011, vol. 2, pp. 390–411.

Abstract: Rituals are omnipresent. Religions provide answers to death. They interpret death as a transition to another form of existence and form different cultures of the dying person, marking daily transitions as well as turning points such as births, weddings, illness and death. Accompanying the dying person is common to all cultures. At the same time, when creating conditions for a humane and dignified death, it is necessary to take

into account the existing cultural and religious-ideological differences between various Christian traditions, consisting in what this accompaniment looks like, what the rituals are before and after the death and how quickly the dead are buried. The translation of the paper raises the overarching issues of dying, death, and mourning in religious studies and attempts to comprehend the existing forms of the final phase of life in various religious beliefs in order to humanize the rituals of death, dying, and mourning, and in particular Easter beliefs and mourning ceremonies in the Eastern Orthodox Christian tradition, in which a central place in prayers or liturgical commemoration of the dead is given to requests for forgiveness of sins and salvation of souls of the dead.

Keywords: Christian understanding of death, Orthodox funeral rites, Orthodox Liturgy of the Dead, folk customs and the Christian message, dying, mourning, Easter faith, Eastern Orthodox traditions, religion, Eucharistic liturgy, Orthodox rites.

Information about the translator: Anatoly N. Lipov — PhD in Philosophy, Researcher of the Aesthetics sector, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Goncharnaya St. 12, bldg. 1, 109240 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0529-3274> E-mail antolip@yandex.ru

Received: May 03, 2021

Approved after reviewing: September 15, 2021

Date of publication: March 28, 2022

For citation: Lipov A. N. (transl.) Karl Pinggera “He trampled down death by death!” dying, mourning, and Easter faith in the Eastern orthodox tradition. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2022, vol. 63, pp. 89–106. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-89-106>

REFERENCES

- 1 Casper J. *Weltverklärung im liturgischen Geiste der Ostkirche (Ecelesia Orans 22)* [Transfiguration of the world on liturgical spirit of the Orthodoxy]. Freiburg i.Br, 1939. 233 S. (In German)
- 2 *Didascalia et Constitutiones Apostolorum I* [Teachings and constitutions of Apostles], edited by Franciscus Xaverius Funk. Paderborn, 1905. 553 S. (In German)
- 3 *EYXOAOTION TO META THE KATA ANATOAAAX OPOOAOEOY KABOAIKHE EKKAHZIATZ*. Athen, 1992. 336 S. (In Greek)
- 4 Gogol N. V. *Gogol Betrachtungen über die Göttliche Liturgie* [Gogol's meditations on the Holy liturgy]. Würzburg, 1989. 167 S. (In German)
- 5 *Handbuch der Ostkirchenkunde* [Handbook on Orthodoxy]. Düsseldorf: Hrsg. von Wilhelm Nyssen, Hans-Joachim Schulz und Paul Wiertz, bearb. von Martin Petzold, 1997. Bd. 3. 305 S. (In German)
- 6 Heiler F. *Die Ostkirchen Neubearbeitung von Urkirche und Ostkirche* [Early Christianity and Orthodoxy]. München, 1971. 250 S. (In German)
- 7 Kallis A. *Das hätte ich gerne gewußt. 100 Fragen an einen orthodoxen Theologen (Orihodoxe Perspektiven 3)* [One would like to know. 100 questions to an orthodox theologian]. Münster, 2003. 372 S. (In German)
- 8 Kirchhoff K. *Osterjubiläum der Ostkirche. Hymnen aus der fünfzigjährigen Osterfeier der byzantinischen Kirche, hrsg. von Johannes Madey* [Easter jubilee of the Eastern Church]. Münster, 1988. 510 S. (In German)
- 9 Matzerath P. *Die Totenfeiern der byzantinischen Kirche (Heilige Feiern der Ostkirche)* [Funeral in the Byzantine church. Holy feasts of the Orthodoxy]. Paderborn, 1939. 159 S. (In German)

- 10 Oeldemann J. *Die Kirchen des christlichen Ostens. Orthodoxe, orientalische und mit Rom unierte Ostkirchen* [Churches of the Christian East. Orthodox, eastern and Uniate church]. Kevelaer, 2006. 230 S. (In German)
- 11 Thöle R. *Orthodoxe Kirchen in Deutschland (Bensheimer Hefte 85)* [The Orthodox Church in Germany]. Göttingen, 1995. 112 S. (In German)